

О. Б. Бубенок

КАВКАЗСКИЙ СЛЕД В ГИДРОНИМИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Наблюдения исследователей показывают, что наиболее стойкими отголосками прошедших эпох на географических картах являются, прежде всего, названия рек и озер. В то же время топонимы, как названия поселений и целых стран, очень изменчивы, ибо сильно зависят от политической конъюнктуры. В этом отношении Северное Причерноморье не является исключением, поскольку на его территории существует немало очень давних гидронимов. Есть среди них и те, происхождение которых резоннее связывать с кавказскими языками. Однако последнему направлению научных поисков не очень повезло в XX в., так как негативному отношению научного мира к данной проблеме способствовала деятельность советского академика Н. Я. Марра.

Еще в начале XX в. Н. Я. Марр создал яфетическую теорию, краеугольным камнем которой стало учение о родственности кавказских языков [Марр 1915, 287]. В дальнейшем он старался доказать, что языковое развитие происходило не столько в соответствии с языковым деревом, как того требовала классическая индоевропеистика, сколько, наоборот, путем смешения и “скрещения” языков. На основании своих же предположений сделал следующие выводы: 1) все современные языки, а с ними и современные народы, представляют собой следствие смешения в древние времена; 2) этим он утверждал приоритетность автохтонного развития, которое происходило на месте непрерывно от стадии к стадии, путем интеграции соседних групп, что позволяло игнорировать роль миграций; 3) язык, культура, раса, религия и т. п. — это лишь исторические категории, которые испытали изменения во времени, т. е. между ними нет жестких корреляций; 4) культуры и языки, в том числе древние, были не просто смешанными, а классовыми по своей сущности. Иначе говоря, Н. Я. Марр выводил этничность из этнической стратификации, которая образовалась вследствие слияния разных племен, занимавших, по его мнению, в новой социальной общности различные социальные позиции, образуя своеобразные состояния [Марр 1915, 293]. Развивая дальше свою концепцию, он начал утверждать, что древнейшие яфетические (кавказские) языки вследствие социально-экономических сдвигов стали превращаться в индоевропейские, что совпало с началом поры металла [Марр 1933, 325–326].

Таким образом, Н. Я. Марр стал творцом “теории универсальных социально-экономических стадий”, что, по его мнению, отвечало “определенным языковым системам и состояниям”. Считая язык надстройкой, он утверждал, что языки изменяются в соответствии с изменением хозяйственных и общественных форм [Марр 1927, 58]. Н. Я. Марр ввел понятия о “яфетической стадии”, которая, по его мнению, стала основой якобы для всех языков мира. Он даже верил в то, что “славяно-русская” общность сложилась на основе “скифо-яфетической” [Марр 1935, 305, 340].

Следует указать, что в 20–30-е гг. XX в. многие советские историки должны были считаться с основными положениями Н. Я. Марра. По мнению В. А. Шнирмана, “яфетическая теория” Н. Я. Марра в 20–30-е гг. XX в. в СССР получила

поддержку по нескольким причинам. Во-первых, Н. Я. Марр стоял на позициях интернационализма. Во-вторых, его учение отвечало концепции тогда популярного историка М. М. Покровского, соответственно которой следует изучать, прежде всего, этапы, общие для истории всех народов, несмотря на отличие между ними. В-третьих, Н. Я. Марр считал, что человечеству с давних времен была присуща именно классовая структура вследствие группового смешения. В-четвертых, идеи автохтонизма “яфетической теории” были противопоставлены миграционистским концепциям, очень популярным в Германии [Шнилерман 1993, 52–60].

Таким образом, Н. Я. Марр стремился доказать, что в Восточной Европе “яфетические”, т. е. кавказские, языки предшествовали появлению индоевропейских и алтайских. В этом можно убедиться, ознакомившись с содержанием пятого тома собрания сочинений Н. Я. Марра, изданного после его смерти в 1933 г. [Марр 1935]. Интересно, что в этом томе есть статья, носящая название “Яфетические зори на украинском хуторе” [Марр 1935, 224–271]. Весьма характерно, что в этой статье Н. Я. Марр попытался выделить на территории Украины древние кавказские топонимы, к числу которых он отнес название Ольвия и одну из форм для обозначения Киева – Куйаба [Марр 1935, 227–229]. Что же касается кавказских гидронимов в Северном Причерноморье, то Н. Я. Марр их не выделил в этой работе. Это он сделал в другой статье – “Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси”, где он связал с “яфетидами” названия рек – *Thanais (Don), Dan-ub (Don-aw)* и т. п., а также Черного моря – *Pont* [Марр 1935, 49].

Спустя 15 лет после смерти Н. Я. Марра, 20 июня 1950 года, его учение было развенчано с выходом работы И. В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, а сам он подвергнут официальной критике за “идеализм” в языкознании. С тех пор советские ученые даже боялись говорить об автохтонном происхождении народов, ибо они тотчас могли получить ярлык “марристов”. Однако, как говорится, шила в мешке не утаишь – спустя несколько десятилетий исследователи из Украины и России вновь подняли вопрос о доиндоевропейском кавказском населении в Северном Причерноморье. Доказательство этого они видели в гидронимах Украины, которые, по их мнению, имели древнее происхождение. Первым, кто снова поднял данный вопрос в науке, был украинский филолог-эмигрант В. Чапленко. Он считал, что “адыгейские языки” были для славянских и балтских языков “субстратными языками”. Доказательство этого он видел, прежде всего, как в лексике украинского языка, так и в названиях рек на территории Украины. Например, название реки *Самара*, которая является притоком Днепра (рис. 1), он выводил от адыгейского слова *сам* – “собранная вместе”. С кавказскими языками он также связывал гидронимы *Дон, Дунай, Днепр* и *Азовское море* [Чапленко 1966; 1969; 1977]. Что же касается приверженцев подобных идей в Восточной Европе, то к их числу следует отнести Л. И. Лаврова, В. П. Кобычева, К. Н. Тищенко, Ю. Л. Мосенкиса и др.

Так, известный этнограф Л. И. Лавров не сомневался в том, что уже в I тыс. до н. э. существовали тесные связи между населением Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Доказательство этого он видел в зафиксированных письменными источниками названиях племен и топонимах: «Например, племя керкетов на Кавказе и город Керкенидида (сейчас Евпатория); город Коракондами, племя кораксы и горы Кораксейские – на Кавказе, а также населенный пункт Коракс – в Крыму; населенный пункт Скопел – на Кубани и в Северо-Западном Причерноморье, составная часть названия крымского города Пантикапея и речки Пантикопы на юге Украины и т. п. ... Что касается наименования крымских тавров, то его аналогией является название одного из протоадыгских племен того же времени – торетов. Эта аналогия станет более понятной, когда отметим, что в адыгских языках нет гласного звука “о”, его заменяют дифтонги “уе” или “еу”. Поэтому слово “торет” в произношении адыгейца или кабардинца звучит как “теурет”» [Лавров 1961, 62–63]. Кроме того, Л. И. Лавров

обратил внимание на украинскую гидронимию. Так, он считал, что название реки *Псёл* было связано с адыгским термином *псы*- – “вода” [Лавров 1961, 65].

Не вдаваясь в подробности, отметим, что сходство некоторых отмеченных исследователем топонимов и этнонимов можно объяснить не только широким расселением адыгских племен, но также и тем, что в I тыс. до н. э. в Северном Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе обитали одни и те же группы близкородственных этнических групп индоевропейского происхождения – скифов, греков и т. п. Что же касается гидронима *Псёл*, то на сегодня практически никто из современных исследователей не отрицает связь его происхождения с Кавказом.

К числу этих исследователей принадлежит В. П. Кобычев. Несколько десятилетий назад В. П. Кобычев в своей научно-популярной книге “В поисках прародины славян” также затронул вопрос о пребывании в прошлом на землях Украины выходцев с Северного Кавказа. Так, следы пребывания адыгов в Северном Причерноморье исследователь склонен связывать, прежде всего, с названием *Псёл*. Кроме этого, подобных свидетельств он обнаружил немало (рис. 1): «Лингвистика, топонимика и этнография также свидетельствуют о том, что между двумя названными регионами с давних пор существовали самые тесные и широкие связи. Ряд таких гидронимов, как *Псел*, *Пселец*, *Псинка*, *Псура* от адыгского *пс* (“вода”), приводит советский лингвист В. П. Петров. К ним можно добавить *Томако* – остров на Днепре, реки *Редединку* (*Редедя* – легендарный касожский богатырь, упоминаемый русской летописью) – на Волыни, *Унаву* – приток Ирпени (от адыгского *уна* – “дом”, ср. по соседству река *Домашняя*), *Уну* – в Словении, населенный пункт *Псышуха* (ср. *Нечепсухо* – река в Шапсугии) и т. д. К абхазо-адыгским языкам, кажется, относятся, судя по образуемому форманту *т*, *и* (в абхазском языке показатель места) и общему облику модели, такие гидронимы Карпато-Дунайского бассейна, как *Олт* (средневековое *Алюта*), *Прут*, *Серет* (ср. кавказские античные названия: *Псит*, *Фат*)» [Кобычев 1973, 93]. Кроме того, В. П. Кобычев считал, что название восточных славян VI ст. *анты* имеет кавказское происхождение: «В сохранившихся фрагментах убыхского языка (одного из черкесских племен) *анта* обозначает “чудовище, лесной человек”» [Кобычев 1973, 93]. На основании этих предположений исследователь сделал вывод, который все же требует доказательств: “Безусловно, анты VI в. н. э. в этническом отношении были стопроцентными славянами, но какая-то примесь кавказского субстрата могла быть в них”. Таким образом, В. П. Кобычев дает понять, что приблизительно в то время, т. е. во времена поздней Античности и раннего Средневековья, на землях Северного Причерноморья могли появиться гидронимы кавказского (адыгского) происхождения, что стало следствием расселения здесь антов, которые, по его мнению, имели северокавказское происхождение [Кобычев 1973, 96].

Проблемой связей населения Северного Причерноморья и Кавказа занимался лингвист К. Н. Тищенко. Следы этих контактов он также видел в некоторых гидронимах Северного Причерноморья. К числу кавказских гидронимов К. Н. Тищенко отнес, прежде всего, названия рек (рис. 1): “*Псло* (*Псёл*, *Псіоль*, *Пьслъ*, *Песель*), а также *Пселець*, *Псоля*”, которые «этимологически близки к адыгейскому *псы* “вода”». Как доказательство этого исследователь привел такие примеры: «Адыг. *псы*, убых. *bze* “вода” и груз. диал. *pša* “источник” часто встречаются в топонимии Кавказа, например, *Псе-шебс*, *Пс-ыш*, *Пи-иш*, *Пс-оу*, *Пс-ху*, *Псы-гансу*, *Туа-псе*, *Мако-псе*, *Пи-еха*, *Пи-авели* и т. п.». Кроме того, с кавказским влиянием К. Н. Тищенко связывает также происхождение гидронимов *Ворскла* и *Суба*, *Суббот*, *Собот*, *Саба*. Аналогии первому исследователь видит не только в грузинском *varcxli*, мегрельском *varčxli*, *k'varcxli*, сванском *varčli* – “серебро” или грузинском *varcli* – “корыто, корыто”, но и в дагестанских языках: «Лезг. *уър*, рут. *уър*, лак. *баър*, арч. *баъри*, лезг. *водоворот*, но-*вур*, чам. *и-гъир*, анд. *џи-гъур*, таб. *да-гар*, а также

аварские слова *гIор* – “речка” и *хIор* – “озеро”». Что касается второй группы гидронимов, то К. Н. Тищенко указал на их возможную связь с лезгинским *сoвал(a)* – “гора, сага”, цахурским *сува*, табасаранским *сив* – “обрыв”, чеченским *шу* – “холм, возвышение”. По поводу этого исследователь отмечает: “Показательно, что речка *Суббот Кв* протекает в глубоком овраге (с. Малополовецкое Фастовского р-на)” [Тищенко 2006, 89–90].

Несколько иначе к решению проблемы подошел Ю. Л. Мосенкис. Он попытался сравнить гидронимы Украины и Грузии. Сравнительный анализ позволил ему отнести к числу картвельских следующие гидронимы Украины (рис. 1): *Скаронинка* – правый приток Южного Буга; *Сара* – название двух правых притоков Псла; *Цикла* – приток Киблича, левого притока Соба, являющегося левым притоком Южного Буга; *Ингул* – приток Южного Буга (ср. река в Грузии – Inguri); *Хорол* – правый приток Псла; *Ворскла* (ср. груз. varsklavi – “звезда”); *Сула* (ср. груз. kseuli – “разлившийся”); *Роставица* (ср. груз. gustavi – “начало ручья”); *Суба* – приток Тясмина в бассейне Днепра (ср. груз. tba- – “озеро”, мегр. toba-, tobo- – “глубокий (о воде)”, tub(a)- – “балка, озеро”); *Пионка* в Винницкой обл. (ср. груз. pšani – “много источников”); *Дунай (Danub)* (ср. груз. dineba – “течение”, dnoba – “таяние” и т. п.); *Тетерев* (ср. груз. tetri – “белый”) и т. п. Появление данных гидронимов Ю. Л. Мосенкис относит к эпохе энеолита, когда, по его мнению, существовали “контакты древних картвельских металлургов с носителями трипольской культуры на украинских землях” [Мосенкіс 2001, 1–12]. Наблюдения Ю. Л. Мосенкиса в ряде моментов можно считать спорными, но они свидетельствуют о том, что проблема древнего кавказского населения в Северном Причерноморье является более сложной, чем это представлялось ранее. Если следовать наблюдениям Ю. Л. Мосенкиса, то гидронимы картвельского происхождения встречаются в основном в Правобережной Украине, в то же время, по данным других исследователей, гидронимы абхазо-адыгского типа имеют распространение на Левобережье Днепра (рис. 1). Наиболее примечательным из них является *Псёл*, который Ю. Л. Мосенкис не отнес к числу картвельских гидронимов.

Среди современных гидронимов украинского Днепроовского Левобережья на фоне названий славянского, иранского и тюркского происхождения как-то обособленно выглядит название реки *Псёл* (укр. *Псьол, Псел, Псло*). Эта водная артерия представляет собой левый приток Днепра и берет начало в Белгородской области России, а дальше течет по Обоянскому району Курской обл. России и продолжает течь по территории Украины, протекая через территорию Сумской и Полтавской областей к своему впадению в Днепр ниже г. Кременчуга (рис. 1). На берегах Псла расположены такие известные населенные пункты, как Гадяч, Великие Сорочинцы, Богачка, Готва и др. Довольно интересно, что в этом районе Приднепровья получили также распространение реки с аналогичными названиями. Так, притоками Псла являются речки *Пселец, Псельчик* и *Псинка*, которые протекают через земли Сумской обл. Кроме того, в этом же районе находится речка *Псоля*, которая является правым притоком Днепра. Тем не менее на этом перечень аналогичных названий с основой на *Пс-* на территории Украины является далеко не исчерпанным. Однако бросается в глаза то, что в районе Левобережного Приднепровья существует целое сосредоточение таких гидронимов [Словник гідронімів... 1979, 451–452].

Нет сомнений в том, что с этими гидронимами связаны названия населенных пунктов: села *Занселье* (укр. *Зансілля*) Великобагачанского и Кременчугского районов, а также село *Зансельское* (укр. *Зансільське*) Гадячского района Полтавской области; село *Занселье* Краснопольского района Сумской обл. и т. п. [Словник гідронімів... 1979, 452; Стрижак 1963, 56]. Тем не менее, несмотря на такую распространенность этих названий в самом центре Украины, исследователи как отечественные, так и зарубежные еще не пришли к единой мысли относительно обстоятельств и

времени возникновения названий этих водных артерий. На этот счет существует несколько гипотез, которые, к сожалению, так и остаются недоказанными предположениями, учитывая то, что исследователи в значительной мере хронологически отдалают от наших времен возникновения гидронима *Псёл* и других родственных к нему названий. Поэтому следует разобраться в слабых местах существующих гипотез и сопоставить их с историческими реалиями.

Несколько десятилетий тому назад О. И. Яценко выводил название *Псёл* непосредственно из греческого *пселлос* – “темный” [Яценко 1958, 16]. Однако, это отнюдь не соотносится с историческими реалиями, так как о существовании в прошлом в этом районе значительного массива греческого населения не приходится говорить. Учитывая это, А. С. Стрижак отметил и лингвистическую необоснованность такого предположения: “Однако, как видно из древнейших фиксаций, *Псел* < **Пьсьль* (ср. *Псель*, но к *Песлу*, *Песельский* и т. п.), где выделяется корень *Пс-* (< **Пьс-* < **рос-*) и суффикс *-ель* (< *-ьль*)” [Стрижак 1963, 57].

Пытались исследователи объяснить происхождения названия *Псёл* и на славянском материале. В свое время А. А. Потеня названия типа *Псёл* сближал с восточнославянским *писять*, сербско-хорватским *пищать*, литовским *pissa* “cunpus”, *pisti* “soige” [Потеня 1883, 68]. Довольно интересно, что А. С. Стрижак отдал предпочтение “этимологии Потеня” [Стрижак 1963, 57]. Но в данной ситуации такое объяснение, как результат звукоподражания, выглядит крайне неубедительным и больше подходит для горных речек, чем для равнинных. Выглядит спорной также гипотеза М. Фасмера, который объяснял происхождения этого названия следующим образом: «От **пъсь*, т. е. “большая собака”, с суф. *-ьль*, подобно словам *козёл*, *орёл*» [Фасмер 1987, 397]. Таким образом М. Фасмер намекает, что название *Псёл* следует переводить как “Собачья речка”. Однако не понятно, причем здесь собаки? Хотя можно вспомнить названия переправ, мостов, где упоминается скот: англ. *Оксфорд* – “Бычий брод”, *Босфор* – “Бычья переправа”. Довольно интересно, что К. Мошинский также допускал подобную идею и потому поставил в один ряд названия *Псинка*, *Пселець*, *Псоля* (приток Днепра), *Псура* (бассейн Десны), *Песья*, *Пес* (бассейн Сулы) и соответственно этому выводил их от корня *пъс-* в значении “пёс” по аналогии к *орёл* < *орьль*. Не смотря на это, он также предполагал, что часть этих названий происходит от славянского *pis-*: *пъс-* “pstry” или *пъс-* < *пъд-* как в греческой *πιδάξ* – “источник”, *πιδέα* – “влажное место, луга”. В результате К. Мошинский так и не пришел к окончательного вывода [Moszyński 1957, 179]. Тем не менее, на сегодня гипотеза о славянском происхождении названия *Псёл* находит все меньше сторонников, так как такой подход выглядит, по крайней мере, поверхностным, упрощенным. Однако лишь одна гипотеза довольно удачно, с лингвистической стороны, объясняет происхождение гидронимов типа *Псёл*, хотя, на первый взгляд, недостаточно убедительно подтверждается данными исторических текстов.

Так, почти столетие тому О. М. Бодянский предложил сближения названия речки *Псёл* с кавказскими гидронимами типа *Пса*, *Псе*, *Псекунс*, *Псыхуаба* и т. п. Как было указано, в основе этих гидронимов находится корень *Псы-*, который на языке адыгов означает “вода, река” [В-ко 1903, 3; Мацевич 1896]. Естественно, эта гипотеза нашла широкую поддержку среди исследователей Северного Кавказа адыгского происхождения. Так, Дж. Н. Коков в своей монографии “Кабардинские географические названия” отметил, что на территории Украины приобрели распространение гидронимы *Псел*, *Псинка*, *Пселець*, *Псельчик* и т. п., которые, по его мнению, имеют отношение к кабардино-черкесскому *псы* – “вода”. Однако следует отдать должное кабардинскому исследователю, который по этому поводу был все-таки осторожным в выводах. В частности, он подчеркнул: “Хотя среди известных этимологий данных названий существует и такая (О. М. Бодянского), которая сближает их с кабардино-черкесскими образованиями *Псыж*, *Псыхуаба*, вопрос этот требует

дополнительного изучения” [Коков 1966, 159]. Следует указать, что гипотеза об адыгском (кавказском) происхождении названия реки *Псёл* получила поддержку среди многих современных исследователей славянского происхождения.

Как уже отмечалось, В. П. Кобычев в своей книге “В поисках прародины славян” немало страниц посвятил вопросам переселения адыгов на земли Северного Причерноморья. С пребыванием адыгов он был склонен связывать в первую очередь гидроним *Псёл* [Кобычев 1973, 93]. К числу северокавказских гидронимов К. М. Тищенко также отнес, как уже было отмечено, названия рек “*Псло (Псёл, Псиоль, Пьсль, Песель)*”, а также *Пселець, Псоля*”, которые «этимологически близки к адыгейскому *псы* “вода”» [Тищенко 2006, 89–90].

Исследователи уже давно заметили, что гидроним *Псёл (Псло)* имеет много общего с гидронимами в местах обитания адыго-абхазских народов на Северном и Западном Кавказе. Таких названий рек на Кавказе можно привести большое количество: *Пседах, Псекупс, Псоу, Псузь, Псыбэ, Псыбьундж, Псыгуэнсу, Псыджор, Псыгуабжэ, Псыжэ, Псыкыгъожэ, Псылэху, ПсыкьепкIэ, Псымыгъу, Псымыхъу, Псынацхъэ, Псынэф, Псынбп, ПсыцIэ, Псыфыжэ, Псыхуабэ, Псыхуихъэ* и т. п. [Коков 1966, 120–123, 144–147; 1974, 102–103, 242–251]. Исследователи единодушны во мнении, что в основе этих гидронимов находится адыгейское слово *псы*. А. К. Шагиров в “Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков” дает следующую этимологию этого слова: «*Псы* ‘вода’, ‘река’, ‘речка’ – в значении “река” (“речка”) в адыгейском слово встречается в композитах и в определенных сочетаниях; обычное (самостоятельное) название реки здесь *псыхъэ*». Исследователь также видит соответствия этому адыгскому термину в абхазском *а-дзы* (в абазинском *дзы*) и убыхском *бзы* – “вода, речка” [Шагиров 1977, 16]. Таким образом, есть основания считать, что гидроним *Псёл* своим происхождением связан именно с адыгским *псы* – “вода, река”. При этом неясно, что означает вторая часть гидронима *Пс-ёл*.

В свое время А. С. Стрижак указал: «В этом свете следует напомнить еще гипотезу, выдвинутую М. Максимовичем, о том, что компонент *ол* в названиях *Псьол, Хорол, Угол, Оскол, Ворскла (Ворскол)*, очевидно, означает на каком-то из языков также “вода, река”, что, с нашей точки зрения, подтвердилось лишь для гидронима *Ворскла* в немного другой интерпретации» [Стрижак 1963, 57–58]. О. Н. Трубачев также отметил присутствующий в названиях многих рек Левобережной и Правобережной Украины компонент *-л*: *Перевал, Цимбал, Прикол* (бассейн Псла), *Чамисел, Орель, Ингул, Тилигул, Царегол, Гайчул* и т. п. Появление этих названий исследователь связал с влиянием тюркских языков. Что касается объяснения происхождения таких названий на Днепровском Левобережье, то О. Н. Трубачев был по этому поводу довольно осторожным: “Хорол (вар. Хороль, KoroI, п. п. Псла...) мы, в согласии с предшествующими исследователями, относим к числу иранизмов (ир. **Narava-*), в то время как близкий территориально *Псел / др.-русс. Пьсль, Песель* (л. п. Днепра) представляется нам неясным” [Трубачев 1968, 205–206]. Н. Н. Коринный придерживается также аналогичной мысли по этому поводу: “*Псел (Песл)*. Очевидно, как и все остальные названия рек с компонентом *-ол, -оло, голь*, тюркского происхождения (ср. тур. *-öl* – трясина, болото)” [Коринный 1991, 249, прим. 74]. Однако возможно и другое объяснение.

В “Кабардинско-русском словаре” под редакцией Б. М. Карданова подобный термин *псылъэ* имел множество значений, одно из которых – “болотистая местность” [КРС 1957, 303]. Таким образом, не исключено, что гидроним *Псёл* и кабардинский термин *псылъэ* могут быть между собою связаны. Однако названием реки не может быть название местности. Поэтому вероятно, что в далеком прошлом (а нам не известно когда) река *Псёл*, которая имела множество притоков, была окружена вдоль своего течения большим количеством болот, то есть была заболоченной. Довольно

интересно, что “Военно-топографическая карта Российской империи” (1869–1890) свидетельствует о том, что во второй половине XIX в. пойма реки Псёл имела заболоченный характер, прежде всего, в среднем течении. Об этом может свидетельствовать, например, фрагмент карты, где изображено место впадения речки Лютенькой в Псёл [Военно-топографическая... 1869–1890, 23–12]. По этому поводу Н. Н. Коринный в своей статье “Природные условия Переяславской земли в X–XIII вв.” отметил: “Весьма медленные и неширокие реки Левобережья вследствие равнинной местности образуют значительные по своим размерам долины с многочисленными старицами, непроходимыми болотами, их русла крайне закрученные, извилистые... В средние века значительную часть территории Левобережья занимали низменные болота с гипновой и гипново-травянистой растительностью, которая характерна для долин рек, полосы широколистных лесов и Лесостепи... Болота были серьезным естественным препятствием для орд степняков, служили местом спасения населения волости во времена тяжелых испытаний...” [Коринный, 101–102]. Если в средние века долина реки Псёл была заболоченной, то возможно, что такой она могла быть и в более ранний период. Таким образом, вполне возможен вариант, что название упомянутой реки происходит от адыгского **Псыл-* и означает “Заболоченная (река)”. В пользу этого предположения могут свидетельствовать наиболее ранние формы этого гидронима, которые мало чем отличаются от современного названия.

Впервые река с таким названием упомянута в том фрагменте Ипатьевской летописи, где речь идет о походе Владимира Мономаха, который тогда был переяславским князем, против половцев в 1111 г. На пути к реке “Дон”, в который современные исследователи видят Северский Донец, войско Владимира вынуждено было пересечь несколько рек. Об этом в Ипатьевской летописи сказано: “...и вьста Володимерь и Стополкъ и целовастался . и поидоста на Половце. Стополкъ съ сномь . Ярославь и Володимерь съ сынми . и Двдъ со сыном . и поидоша возложивше надежу на Ба . и на пречистую мать его . и на стыгя англы его и поидоша . вь . в . неделю поста . а в пятокъ быша на Суле . в субботу поидоша и быша на Хороле . и ту и сани пометаша . а в неделю поидоша в нюже хрестъ целують и приидоша на Псль . и отуди сташа на реце Голте . ту пождаша и вои . и отудо идоша Върьскла...” [Ипатьевская... 1908, 184]. И уже второе упоминание наших летописей о речке *Псёл* датируется событиями 1153 (6661) г. Так, в Ипатьевской летописи сообщается: “В лето 6661 (1153) Посла Изяславъ сна своего Мъстислава на Половце . к Песлу...” [Ипатьевская... 1908, 321]. Такой именно вариант гидронима видим также в Воскресенской, Радзивиловской, Лаврентьевской и других летописях [Воскресенская... 1856, 60; Радзивиловская 1989, 123; Лаврентьевская 1926–1928, 234]. Таким образом, древнейшие известные нам формы гидронима – *Псль, Песл*.

Упомянут этот гидроним и в таком источнике XVII ст., как “Книга Большому Чертежу”. Так, в начале текста этого источника речка Псел фигурирует как ориентир: “А от верх Донца Северского к верх реке Ворсклу верст с 30; а Ворскла река вытекла ис под Муравския дороги и пала в Днепр, ниже Псла реки 20 верст” [КБЧ 1950, 62]. Содержит упомянутый источник и детальное описание бассейна Псла: “А ниже реки Сулы пала в Днепр река Псел, а вытекла река Псел из под Муравской дороги из под Думчегу Кургана. А от Днепра вверх по Пслу 50 верст пала река Хорол, от Сулы, а на Хороле от устья 20 верст город Хорол; на той же реке на Хороле Миргородок... А ниже реки Хоролы на Пслу город Голтва, от устья Хоролы 5 верст. А ниже Голтвы 10 верст на Псле город Мажделенка. А выше Миргородка на Псле городище Старое, от Миргородка 10 верст. А выше Старого на Псле городище Новое, от Старого верст с 7. А выше Нового городища 10 верст городище Гадское, а Галичья тож. А с верху от Муравские дороги 20 верст в реку Псел пала речка Псел, ниже Белгородские дороги, что лежит в Белгород из Курска; а до верху Псла

реки от Курска 70 верст; а от Белгорода 50 верст. А ниже Псла реки от Курска 70 верст; а от Белгорода 50 верст. А ниже Псла реки пала речка в Днепр Кобыльняк, от Псла 10 верст” [КБЧ 1950, 109–110]. Возможно, что “Книга Большому Чертежу” содержит также одно из первых упоминаний о речке *Псоля*, которая является правым притоком Днепра: “А с правые с Литовские стороны Днепра, ниже города Могилева, пала в Днепр река Береза; с правые же стороны, выше Сулы, пала река Тесмень. А ниже Тесмени, против реки Псла, пала речка речка Омельник Псельской” [КБЧ 1950, 112]. Таким образом, можно увидеть, что уже в начале XVII в. установилась современная форма написания реки – *Псёл* (*Псел*). В связи с этим интерес представляет также упоминание названия реки *Пселец*, которая и по сей день сохраняется в гидронимии Восточной Европы. Безусловно, этот гидроним испытал славянскую обработку и является производным от названия *Псёл* (аналогия можно найти в названии *Донец*, которое происходит от гидронима *Дон*).

Относительно времени и обстоятельств появления названия реки *Псёл* на Днепро-провском Левобережье уместно привести слова известного этнографа-кавказоведа Л. И. Лаврова: «Сложным является вопрос о названии реки Псёл. Сторонники гипотезы адыгского происхождения казачества видели в первой части этого названия адыгское слово “псы”, которое означает “вода”. Это довольно правдоподобно. Но как могла небольшая группа путешественников с Кавказа заставить местное население забыть старое название своей реки и пользоваться новым адыгским названием? Необходимо допустить одно из двух: или название Псёл не имеет отношения к адыгскому языку, или оно существует здесь не с XIV в., а с доисторической эпохи, когда на Украине могло проживать население, которое говорило на языке, родственном с адыгским» [Лавров 1961, 65].

Как уже отмечалось, В. П. Кобычев полагал, что во времена Античности и раннего Средневековья на землях Северного Причерноморья могли появиться гидронимы кавказского (адыгского) происхождения [Кобычев 1973, 96]. Однако письменные источники не содержат конкретной информации относительно пребывания в Средневековье и во времена Античности значительных групп выходцев с Кавказа на Левобережье Среднего Днепра.

Поэтому имеет смысл поддержать идею К. Н. Тищенко о давнем происхождении кавказских гидронимов на территории континентальной Украины. По его мнению, в далеком прошлом земли Северного Причерноморья представляли собой часть циркумпонтийской зоны, которая “по крайней мере, с III тыс. до н. э. входила в сферу влияния кавказских и средиземноморских культур”. Следствием этого, по мнению исследователя, является существование на современной карте Украины некоторых гидронимов кавказского происхождения [Тищенко 2006, 89–90].

Учитывая кавказское происхождение гидронима *Псёл*, отметим также параллели не только на Кавказе, но и в некоторых районах Восточной Европы, что может дать неожиданные результаты. Так, следует обратить внимание на пассаж в “Этимологическом словаре русского языка” М. Фасмера: “**Псков**, род. п. **-а**, *Пскова* – название реки близ *Пскова*...” [Фасмер 1987, 397]. Как известно, письменные источники Средневековья и Античности никогда не давали оснований говорить о каких-либо переселениях народов с Кавказа на север Восточной Европы. Если название реки *Пскова* имеет отношение к адыгскому *псы-*, то тогда можно говорить об очень древних процессах.

К отмеченным лингвистами гидронимам следует добавить еще один. Так, В. П. Кобычев отметил название острова на Днепре – *Томако* [Кобычев 1973, 96]. Однако ситуация с этим названием еще сложнее, ибо напротив острова была отмечена также река, правый приток Днепра, с подобным названием. На сегодня название *Томаковка* носят остров, река и возникший на берегах одноименной реки поселок. Река и поселок расположены на правом берегу Нижнего Днепра на территории Днепропетровской обл. (рис. 1). Известно, что это название давнее.

Еще в начале XVII в. автор “Книги Большому Чертежу” несколько раз упоминает реку и остров “Томоковка”. Так, остров несколько раз упоминается при описании гидронимов Левобережья: “А в Конских Водах вода пресная; а Конские Воды пали в реку в Московку, а Московка пала в Днепр против острова Томоковки”; “А ниже Самари реки 6 миль пала в Днепр речка Московка, против острова Томаковки”; “А ниже Белекова, с Литовской стороны Червонные горы на 15 верстах... А ниже Червонных гор 15 верст остров Томоковка... А ниже Томоковки миля Лысая горка” [КБЧ 1950, 65, 110, 111].

Автор “Книги Большому Чертежу” дает также понять, что Томоковка – это название не только острова, но и близлежащей речки: “А ниже Суры 40 верст пала речка Хортица... А ниже Хортицы остров Хортица... А ниже Хортицы 20 верст речка Томаковка, протоку 40 верст, против остров Томаковка... А ниже Томаковки 30 верст речка Чертомлык” [КБЧ 1950, 112]. Таким образом, можно отметить, что, кроме Томаковки, также совпадают названия реки и острова, носящих название *Хортица*. Маловероятно, чтобы названия рек произошли от топонимов. Обычно все в точности до наоборот: гидроним дает название топониму.

Поэтому имеет смысл определить происхождение названия *Томаковка* (*Томоковка*). Если отбросить явно славянское окончание, то получим *Томако* или *Томак*. Интересно, что в кабардинском языке существует подобное слово – *тэмакъ*. “Кабардинско-русский словарь” под редакцией Б. М. Карданова дает несколько значений этого слова: “1. горло; гортань; зев; 2. в знач. опр. горловой; гортанный” [КРС 1957, 335]. Для названия реки такая семантика явно не подходит, хотя для названия острова это вполне приемлемо – остров получил название *Томак*, потому что находился напротив устья (т. е. горла) реки. Однако пример с названием реки и острова *Хортица* позволяет придерживаться версии о первичности гидронима.

Следовательно, очень важна этимология кабардинского термина *тэмакъ*. А. К. Шагиров в своем “Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков” объясняет его происхождение так: “...тюркское заимствование, ср. карач.-балк., кумык., *тамакъ*, ног. *тамак* ‘горло’, ‘гортань’. Абаз. *тамагъI* тоже, надо думать, из кабардинского” [Шагиров 1977, 69]. Однако в других тюркских языках, удаленных от Кавказа, для обозначения понятий “горло”, “гортань” и т. п. используют иные лексические единицы, явно не похожие на *тамак*. Поэтому пока рано говорить о тюркском источнике данного слова в кабардинском языке. Даже если бы это слово имело тюркское происхождение, то оно вряд ли бы подошло для названия реки. Река не может называться “горлом”, “гортанью”, “устьем”. Таким образом, не следует отбрасывать версию об адыгских корнях как кабардинского слова *тэмакъ*, так и названия реки в Нижнем Поднепровье – *Томаковка*.

В связи с этим особый интерес могут представлять близкие по звучанию слова в языке адыгов. Обратим внимание на кабардинские прилагательные: *тэмакъ* – “несдержанный”, “вспыльчивый”, “раздражительный”, “желчный”; *тэмакъкъIыхь* – “терпеливый”, “сдержанный” [КРС 1957, 335]. Как видим, эти слова несут семантическую нагрузку в значениях либо “бурная”, либо “спокойная”. Что мешает связать происхождение названия реки с этими терминами?

Однако нельзя говорить, что гидроним *Томаковка* (*Томак*) появился относительно недавно – в эпоху Средневековья. К сожалению, средневековые письменные источники не несут никакой информации о нахождении какой-либо колонии черкесов или касогов в низовьях Днепра. Поэтому метод исключения позволяет отнести появление данного гидронима к более раннему времени.

Отметим, что данные лингвистики также допускают существование в давние времена на территории Украины кавказского субстрата. В связи с этим отметим работы уже упомянутого украинского ученого-эмигранта В. Чапленко. Уже сами названия его работ – “Адыгейские языки – ключ к тайне нашего субстрата”, “Адыгейские языки – ключ к этногенезу славян и других народов”, «Еще раз о происхождении

названия “гуцул”», «Происхождение этнонима “гуцулы”» – могут свидетельствовать о том, что исследователь видел в древних кавказских языках субстрат для многих языков Восточной Европы, прежде всего украинского. Поэтому он считал, что многие слова в украинском языке можно объяснить при помощи адыгейского. Так, термин *гуцул* В. Чапленко объяснял при помощи языка адыгов как “чубатый”, “малый”, “сильный”. Из адыгских языков ученый также пытался объяснить происхождение некоторых этнонимов и топонимов: *славяне* – “земляне”; *венеды* – “воловики”; *Balta* – “белый, русский” и т. п. Кроме того, убедительным свидетельством кавказского субстрата В. Чапленко считал происхождение украинских фамилий на *-ко* и *-енко*. По мнению исследователя, в глубокой древности на территории Восточной Европы до расселения там носителей индоевропейских языков проживали кавказоязычные народы. К их числу В. Чапленко относил легендарных киммерийцев, исчезнувших из Северного Причерноморья уже в первой половине I тыс. до н. э. [Чапленко 1966; 1969; 1977]. Конечно, нельзя полностью согласиться со всеми выводами и предположениями В. Чапленко. Однако сама идея исследователя о распространении на юге Восточной Европы в глубокой древности кавказских языков заслуживает внимания.

В специальной литературе уже неоднократно указывалось на давние культурные связи населения украинского Причерноморья и Кавказа. Так, еще Л. И. Лавров по этому поводу писал: «Как свидетельствуют археологические материалы Мариупольского и Нальчикского могильников, культурные взаимоотношения между населением, которое проживало на территории современной Украины и Кавказа, существовали даже со времен неолита, не говоря уже об эпохе энеолита и бронзы... Медные и бронзовые кавказские изделия этих времен археологи находят на Украине. Керамика катакомбной культуры встречается как на Украине, так и на Северном Кавказе. Бронзовые изделия и оружие прикубанской и кобанской позднебронзовых культур встречаются в Крыму, на Харьковщине, Полтавщине и Киевщине, а оружие и украшения, которые носило степное население территории нынешней Украины в начале I тысячелетия до н. э., находят на Кавказе... К этому же позднебронзовому времени относятся древнейшие литературные сведения о территории Украины и Северо-Западного Кавказа. Наверное, не случайно население обеих этих территорий в первых литературных источниках обозначено общим названием “киммерийцы”... К сожалению, пока нет единой научной основы для неопровержимого утверждения, был ли это единый народ, с единым языком, или же “киммерийцы” – это обобщающее название разноплеменного и разноязычного населения территорий нынешних Южной Украины и Северо-Западного Кавказа. Кажется, более правдоподобно, что “киммерийцы” – это обобщающее название родственных племен, которые составляли единый племенной союз» [Лавров 1961, 62].

Аналогичных идей придерживался также В. П. Кобычев. Относительно очень давних связей населения Украины и Кавказа он отметил: “Спектральный анализ металлических изделий трипольской культуры, распространенных в III–II тыс. до н. э. на территории Правобережья Днепра от Карпатских гор и до нижнего течения Дуная, показывает, что подавляющая их часть сделана из мышьяковистой меди кубанской группы. Таврские каменные ящики-могилы, находимые в Крыму, археологи рассматривают всегда не иначе как в связи с аналогичными погребениями Северного Кавказа. В более позднее время на основании целого комплекса различных бронзовых предметов: топоров-кельтов, кинжалов, частей конского убора (псалий) и т. п. – археологи объединяют в один обширный ареал территорию Восточного Прикарпатья, Крыма и Северо-Западного Кавказа, суммарно называемый киммерийским” [Кобычев 1973, 93].

Однако наибольших успехов в этом направлении исследований добилась археолог А. Л. Нечитайло. В 1991 г. была напечатана ее монография “Связи населения

степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы” [Нечитайло 1991], а в 1995 г. она защитила докторскую диссертацию на тему “Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита-бронзы)” [Нечитайло 1994]. Основой для написания диссертации стали материалы как из раскопок самого автора в Украине и на Кавказе, так и многотысячных коллекций в музеях Кавказа и Украины: Киева, Днепропетровска, Запорожья, Одессы, Николаева, Херсона, Каховки, Мелитополя, Донецка, Луганска, Симферополя, Севастополя, Евпатории, Ялты, Феодосии, Бахчисарая, Ставрополя, Пятигорска, Керчи, Таганрога, Ростова, Краснодар, Майкопа, Геленджика, Черкесска, Нальчика, Владикавказа, Грозного, Армавира, Махачкалы, Тбилиси, Баку. Основное внимание в работе уделено анализу связей в эпоху энеолита – начала средней бронзы. Именно тогда имели место победа и активное развитие производящего хозяйства, что предполагает особое содержание связей. В эпоху средней бронзы, по мнению А. Л. Нечитайло, происходит смена направлений контактов. В эпоху поздней бронзы резко изменилась историческая ситуация в степях Северного Причерноморья [Нечитайло 1994, 5–6].

Особый интерес могут представлять выводы проведенного А. Л. Нечитайло исследования. В результате были выявлены закономерности в развитии связей между населением Северного Причерноморья и Северного Кавказа в хронологической последовательности. Так, для первого этапа показательными являются связи, основанные, главным образом, на отношениях обмена. Они не определены производственной необходимостью развития каждого общества, хотя различия хозяйственной деятельности в определенной степени стимулировали их. Важную роль здесь сыграло то обстоятельство, что в IV тыс. до н. э. происходит формирование скотоводческих групп племен, когда полное овладение разными типами производящего хозяйства позволило осваивать степные пространства. Для этого периода прослеживаются конкретные контакты Новоданиловской группы племен с закубанскими энеолитическими племенами. Они выражались в форме простого обмена керамикой, каменными орудиями, украшениями и предметами, которые считают символами власти и культа. Для второго периода, связанного с ранней бронзой, объем обменных связей увеличивается. Они становятся более сложными по содержанию и структуре. Важным моментом их структурной организации в этот период является углубление двустороннего характера, который определяется по наличию не только вещей кавказского происхождения в Украине, но и степных элементов в областях Кавказа, где они были связаны с восприятием северокавказским населением культурно-идеологических традиций степняков, в частности погребального обряда, веревочной орнаментации. Замена материала в орудиях труда имела принципиальное значение, и влияние Кавказа в этой перестройке сыграло важную роль. Появление местной металлообработки, безусловно, в результате развития и специализации деятельности степных племен складывалось под большим влиянием уже устойчивых и развитых схем кавказского производства, и в частности находящегося на высоком уровне майкопского. Третий этап, по мнению А. Л. Нечитайло, приходится на время средней бронзы. Именно тогда, с ее точки зрения, происходит дальнейшее расширение и усложнение связей. Это выражается в насыщении памятников импортом и предметами со следами кавказских влияний [Нечитайло 1994, 34–37].

В результате исследователю удалось прийти к следующему выводу: “На протяжении энеолита-бронзы происходит поступательное развитие взаимоотношений между племенами степной Украины и Северного Кавказа. Изменения, наблюдаемые в динамике этих взаимоотношений, свидетельствуют о том, что они приобретают все большее значение в организации жизнедеятельности степных обществ Украины. Продолжается последовательное увеличение объема этих связей, услож-

няется их структура, расширяется сфера охвата сторон жизнедеятельности, как экономических, так и социокультурных. Связи носят постоянный, двусторонний, полномасштабный характер, и значительная их роль в жизни древнего населения Украины и Северного Кавказа очевидна. Можно утверждать, что исторический динамизм взаимного тяготения здесь проявился с большой силой и размахом” [Нечитайло 1994, 37].

В своем исследовании А. Л. Нечитайло не только отметила связи населения Северного Кавказа и Северного Причерноморья, но также зафиксировала переселения кавказских мигрантов в степи Украины. Так, на Старобельском поселении на Айдаре (Луганщина), относящемуся к периоду энеолита, были обнаружены фрагменты от четырех сосудов, которые соответствуют керамике первого и второго типа поселения Свободное в Адыгее. По мнению А. Л. Нечитайло, наличие подобной керамики можно связывать с появлением на Айдаре самих носителей закубанской энеолитической культуры, потому что керамика, как сугубо бытовая вещь, могла попадать только тогда, когда границы соседних племен открыты для контактов [Нечитайло 1994, 16]. К эпохе ранней бронзы относит А. Л. Нечитайло обнаруженные возле г. Павлограда Днепропетровской области погребения, обряд и керамика которых типичны для племен майкопской культуры на Северо-Западном Кавказе. По ее мнению, это реальные мигранты с Кавказа, влившиеся в этнические массивы Украины [Нечитайло 1994, 20]. Кроме этого, исследователь выявила связываемые с кавказскими мигрантами типично майкопские комплексы на территории Украины, например, названные у г. Павлограда, известные на Донбассе возле г. Сватово и с. Петровка, у с. Константиновка в Приазовье, гробница Вилино в Крыму и др., в которых роль кавказского компонента значительна [Нечитайло 1994, 23].

Однако отметим, что у нас нет пока данных о переселениях отдельных групп северокавказских мигрантов в эпоху бронзы на Левобережье Среднего Поднепровья, где отмечены гидронимы явно адыгского происхождения (Псел, Пселец и т. п.). Тем не менее наблюдения над процессами более позднего времени позволяют отметить, что в степях Северного Причерноморья постоянно существовала тенденция – при смене населения степей остатки предыдущего населения постоянно передвигались в лесостепь. Вполне возможно, что такая закономерность проявляла себя и в эпоху бронзы – раннего железа, т. е. в III тыс. – I тыс. до н. э.

В итоге следует отметить, что существование на карте современной Украины гидронимов, находящихся объяснение в некоторых кавказских (прежде всего абхазо-адыгских) языках, можно связывать в большинстве случаев с пребыванием здесь в древности носителей кавказских языков. Обычно для их обозначения используют термины “кавказский субстрат”, “доиндоевропейский субстрат” и т. п. Однако в данном случае эти выражения могут быть не совсем корректными. Ведь мы так и не знаем, что было первичным в Северопричерноморском регионе – кавказоязычное население, которое было ассимилировано пришельцами-индоевропейцами; или в среду индоевропейского населения Северного Причерноморья периодически переселялись отдельные группы носителей кавказских языков. Возможен и третий вариант, объединяющий все эти процессы. К сожалению, источниковедческая база для данного направления исследователей не позволяет в достаточной степени показать динамику отмеченных этнических процессов. Несмотря на это, мы можем отметить, что во времена, предшествовавшие Средневековью, на территории от Приазовья до Карпат проживало население, говорившее на языках кавказского типа. Не исключено, что в далеком прошлом даже существовало этническое и языковое единство населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа, нарушенное приходом первых индоевропейцев. К сожалению, пока даже нельзя определить время этих событий, ибо место и время образования первой индоевропейской общности до сих пор представляют собой неразрешенную проблему.

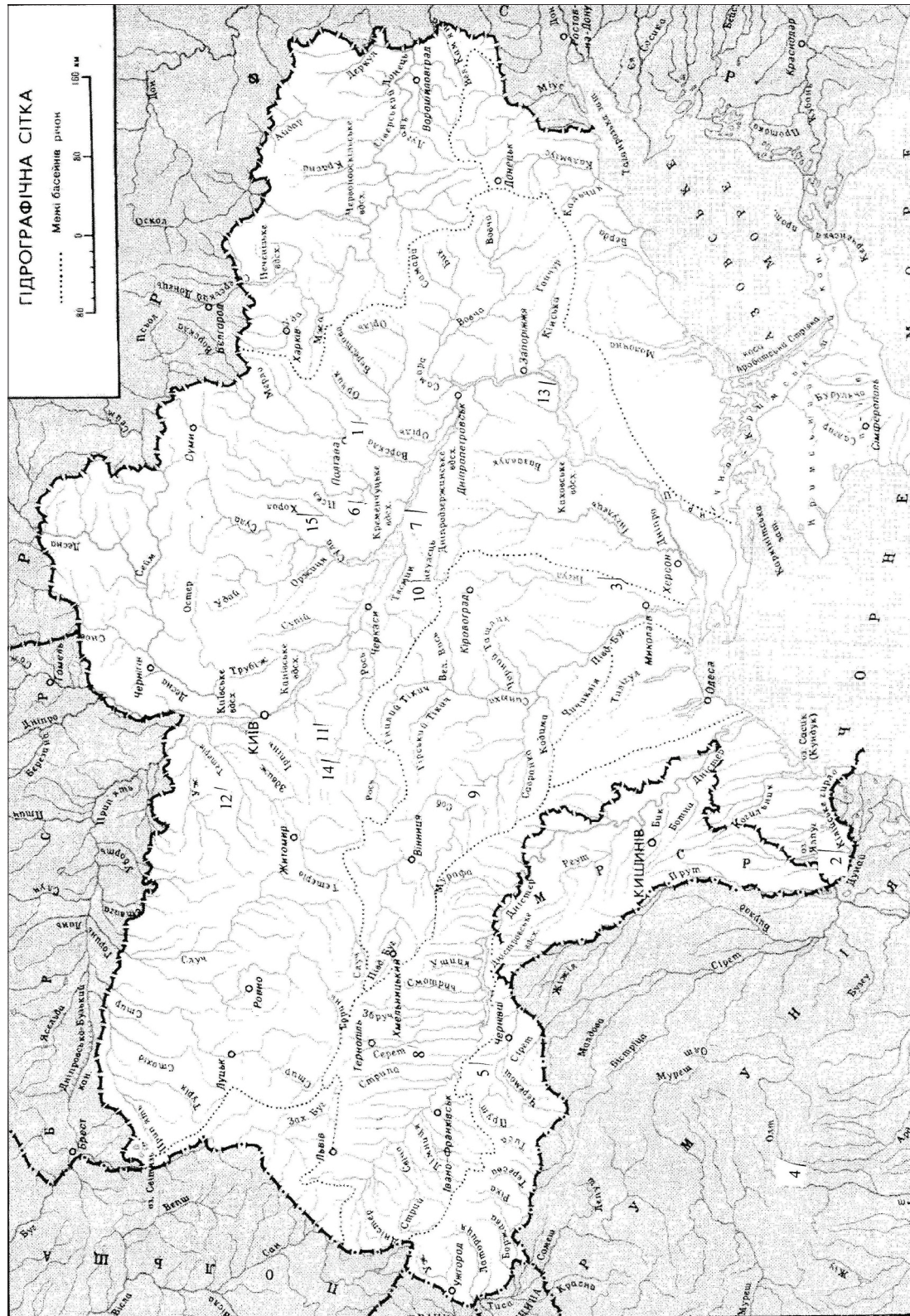

Рис. 1. Гидронимы Украины предположительно кавказского происхождения:
 1 – Ворскла; 2 – Дунай; 3 – Ингул; 4 – Олт; 5 – Прут; 6 – Псёл; 7 – Псоля; 8 – Серет;
 9 – Соб; 10 – Суба; 11 – Суббот; 12 – Тетерев; 13 – Томаковка; 14 – Унава; 15 – Хорол

ЛИТЕРАТУРА

- В-ко Н. К вопросу о происхождении названия Полтавы // Киевская старина. Т. LXXXI. Киев, 1903.*
- Военно-топографическая карта Российской империи (1869–1890).** – history11.ucoz.ru
- Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва, 1973.*
- Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.*
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1843.*
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1908.*
- КРС. – Кабардинско-русский словарь / Под ред. Б. М. Карданова. Москва, 1957.*
- Карпини П. История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва – Ленинград, 1957.*
- КБЧ. – Книга Большому Чертежу. Москва – Ленинград, 1950.*
- Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. XXI. Санкт-Петербург, 1868.*
- Кобычев В. П. В поисках прародины славян. Москва, 1973.*
- Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия. Краткий словарь. Нальчик, 1966.*
- Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.*
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва, 1991.*
- Коринний Н. Н. Переяславская земля. X – первая половина XIII века. Киев, 1991.*
- Коринний М. М. Природні умови Переяславської землі в X–XIII ст. – www.history.org.ua/journall/geo/o/18.pdf*
- Лавров Л. І. До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія, 1961, № 3.*
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Санкт-Петербург, 1846.*
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Ленинград, 1926–1928.*
- Ляскоронский В. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897.*
- Март Н. Я. Кавказский культурный мир и Армения // Журнал министерства народного просвещения, 1915, ч. 62 (июнь).*
- Март Н. Я. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков // Под знаменем марксизма, 1927, № 6.*
- Март Н. Я. Избранные труды. Т. 1. Москва – Ленинград, 1933.*
- Март Н. Я. Избранные труды. Т. 5. Москва – Ленинград, 1935.*
- Мацевич Л. К вопросу о происхождении названия “Полтава” // Киевская старина. Т. IV. Киев, 1896.*
- Мосенкіс Ю. Л. Грузинські назви річок України. Київ, 2001.*
- Нечитайло А. Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев, 1991.*
- Нечитайло А. Л. Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита-бронзы). Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Москва, 1994.*
- Новгородская Первая летопись.** Москва – Ленинград, 1950.
- Новгородская Пятая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Петроград, 1917.*
- Патриаршая Девятая летопись // ПСРЛ. Т. IX. Санкт-Петербург, 1862.*
- Патриаршая Десятая или Никонова летопись // ПСРЛ. Т. X. Санкт-Петербург, 1885.*
- ПВЛ. – Повесть временных лет / Под ред. Д. С. Лихачева. Ч. I. Москва–Ленинград, 1950.*
- Повість врем'яних літ.** Літопис (за Іпатським списком). Київ, 1990.
- Потебня А. А. К истории звуков русского языка. IV. Варшава, 1883.*
- Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. XXXVIII. Ленинград, 1989.*
- Словник гідронімів України.** Київ, 1979.
- Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963.*
- Тищенко К. Мовні контакти: свідки формування українців. Київ, 2006.*
- Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. Москва, 1968.*
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Изд. 2-е. Т. III. Москва, 1987.*

Чапленко В. Адыгейські мови – ключ до таємниці нашого субстрату. Етимологічні досліді. Нью-Йорк, 1966.

Чапленко В. Адыгейські мови – ключ до етногенези слов'ян та інших народів // **Молода Україна**, лютий 1969, ч. 165.

Чапленко В. Ще раз про походження назви “гуцул” // **Молода Україна**, квітень 1977, ч. 255.

Чапленко В. Походження етноніма “гуцули”. – <http://www.putyla.org.ua/2008/05/15/pokhodzhennja-nazvi-gucul.html>

Шагиров А. К. **Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. П–І.** Москва, 1977.

Шнилерман В. А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // **Этнографическое обозрение**, 1993, № 3.

Яценко А. И. **Топонимика Курской области.** Курск, 1958.

Moszyński K. **Pierwotny zasięg języka prasłowańskiego.** Wrocław – Kraków, 1957.